

ху дела способствовали многие сотрудники компании, именно поэтому книга имеет посвящение *Работникам «Дженерал электрик»*.

Итак, исследование речевых стратегий в плане реализации мотивационного уровня языковой личности автора биографического текста Дж. Уэлча показало, что главной для него является *стратегия направленности на адресата*, реализующая дидактическую коммуникативную цель, тесно связанная со стратегией создания имиджа автора – не только волевой и творческой личности, способной воплотить в жизнь «истории блестящей карьеры», но и человека, обладающего корпоративным мышлением, благодарного коллегам и подчиненным за их усилия, способствовавшие достижению успеха. Данные стратегии не только демонстрируют особенности языковой личности конкретного автора, но и отражают общекультурные ценности американского общества, которые характеризуются такими преобладающими «эмоциональными индексами» [9], как «счастье», «самодовольство», «дружественность».

Литература

1. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка : монография. Краснодар : Просвещение-Юг, 2008.
2. Ганцева Д.В. Андрей Соболев: творческая биография : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
3. Гребенюк О.С. Автобиография: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2005.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.
5. Ковыршина С.В. Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004.
6. Кулакова И.И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000.
7. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
8. Самарская Е.Г. Автобиографическое представление как репрезентант личности персонажа в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
9. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография. Волгоград, 2008.
10. Шлыкова Ю.Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

11. Уэлч Дж., Бирн Д. Самая суть. М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Транзиткнига», 2004.

12. Welch J. J., Byrne J. Straight from the Gut. N.Y. : Werner Business Books, 2004.

Autobiographical text: speech strategy as the aspect of language personality realization

There is researched the language personality of a biographical text's author, especially its motivational level. There is analysed the choice of speech strategies as the aspect of realization of the motivational level of the author's language personality. As the basic speech strategies used in the book by J. Welch "Jack: Straight From The Gut" there are considered the strategies of directing at the receiver and creating the author's image which not only demonstrate special features of a particular language personality but also reflect cultural values of American society.

Key words: *language personality, artistic image, autobiographical discourse, speech strategies, motivational level of a language personality.*

А.С. ПРИГАРИНА (Волгоград)

ИСПОВЕДЬ КАК ЖАНР И ИНТЕНЦИЯ

Рассматриваются вопросы исповеди как одного из жанров религиозного дискурса, содержащего его отличительные признаки и основные особенности. Представляется оправданным говорить не только о жанре исповеди, но и о наличии в текстах разного рода особой исповедальной интенции, которая в определенной степени оказывается шире исповеди. Выявлен и описан ряд типов реализации исповедальной интенции в художественных текстах.

Ключевые слова: *религиозный дискурс, жанр, исповедь, исповедальная интенция, способы реализации.*

Покаяние, или исповедь, в теологии понимается как примирение грешника с Богом через исповедание и последующее отпущение грехов. По характеру и количеству участников исповедь бывает общей (когда на богослу-

жении все прихожане вместе читают молитву исповедания грехов) и индивидуальной, или частной (когда человек исповедуется Богу либо в храме через медиума, либо оставшись наедине с самим собой в молитвенном уединении). Место и время совершения исповеди в храме четко закреплены и определены тысячелетней практикой богослужения. Как правило, исповедь, представляющая собой одно из религиозных таинств, совершается в храме утром во время божественной литургии (в некоторых случаях исповедь может совершаться во время вечерней службы). Частотность совершения таинства исповеди в христианстве не определена четко. Считается, что человек сам определяет, когда прибегнуть к исповеди (как правило, когда испытывает потребность очистить душу, получить моральное облегчение). В данном случае, несомненно, на первый план выступает психологическое начало. В католицизме, в отличие от православия, исповедь строго обязательна раз в год, даже если нет тяжких грехов (исповедь также обязательна в случае совершения тяжкого греха).

Место проведения исповеди строго фиксировано – в православии священник стоит около аналоя, на котором находится крест. В отдельных случаях допускается исповедание грехов вне стен храма (в случае, если исповедующийся сильно болен или находится при смерти). Обязательным условием для совершения покаяния является подготовка верующего к исповеди (включающая чтение молитв, признание собственной греховности). Но личное покаяние до исповеди не является исчерпывающим, поскольку считается, что полного очищения от греха можно достичь только в рамках таинства исповеди при посредничестве иерея. По словам архимандрита Лазаря, *Спаситель, дунув, сказал апостолам: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин. 20, 22 – 23). Апостолы же, исполняя волю Господа, передали эту власть своим преемникам – пастырям Церкви Христовой, и по сей день каждый верующий православно и исповедующий чистосердечно пред православным священником свои грехи может получить через его молитву разрешение, прощение, полное отпущение грехов [1, с. 3].

В широком смысле исповедь можно рассматривать как одно из семи таинств, принятых в христианстве, причем в различных конфессиях к таинству покаяния относятся по-разному. В православии и католичестве исповедь – одно из основополагающих таинств, в

то время как в протестантизме (англиканские, лютеранские церкви) покаяние перестает восприниматься как таинство и сохраняется только как обряд признания верующим собственной греховности с одновременным глубоким раскаянием. На исповеди базовой парой коммуникации являются священник и прихожанин. Однако, как и в любом другом жанре религиозного дискурса, существенным фактором признается незримое присутствие третьего участника общения – некоего высшего существа – Бога. Человек исповедуется Богу. Интересен тот факт, что в различных конфессиях священнослужителю отводится разная роль. Так, в православии и католичестве священник – это, в первую очередь, посредник при общении с Богом, в то время как в протестантизме (отвергающем всякое посредничество) служителю церкви отводится роль учителя, духовного наставника. В этом аспекте религиозный дискурс сближается с педагогическим. Духовник – обязательно еще и наставник, учитель. «Отсутствие педагогического чутья, таланта, дара, знаний, опыта приводит к тому, что священник теряет духовных детей. Они, может быть, останутся на долгое время, может быть, даже навсегда, верующими людьми, но будут потеряны для Церкви» [3, с. 168]. Священник должен суметь найти слова для каждого, помочь человеку справиться со смущением, неуверенностью, страхом во время исповедания и ни в коем случае «не спугнуть» стремление покаяться. Труд священника-исповедника в теологии нередко сравнивается с трудом врача. Мы приходим на исповедь, чтобы «обрести исцеление своих душевных и духовных недугов» [7, с. 23].

Исповедь выступает одним из жанровых образцов религиозного дискурса, обладающим всеми его отличительными признаками – как вербальными, так и невербальными. В.Г. Гольдин относит исповедь к числу сложных речевых событий. Сложные речевые события, как правило, маркируются как явления общественного характера, планируются, контролируются, специально организуются и назначаются на определенное время. «Строение таких событий имеет общественно закрепленный, институциональный, даже в значительной степени ритуализованный характер (часть из них вообще – ритуалы), имя (имя события) вполне определяет ролевой состав, отношения и поведение участников сложного коллективного речевого события» [4, с. 27]. Слово «исповедь» в современном русском языке имеет несколько значений, наиболее су-

ществленные из которых ‘событийное оформление таинства покаяния’ и ‘литературный жанр’. В настоящем исследовании нас будут интересовать оба эти понятия или, скорее, исповедальная интенция, которая присуща не только жанру религиозной исповеди. Исповедь как таинство есть нравственное событие, направленное вовне личности. Исповедальная же стратегия близка к молитвенной. В таинстве покаяния христианин признает перед собой и другими свою греховность. Сам приход на исповедь, молчаливое предстояние, моление, внутреннее усилие с целью открытия своей души Богу – уже исповедь человека, ничего не способного поправить своими силами и молящего о прощении и спасении. Таким образом, исповедь может вообще не воплощаться в каком-либо речевом высказывании. Однако таинство покаяния в церковной практике считается воплощенным только тогда, когда человек открыто проговаривает перед священником свои грехи. Священник при этом не является ни судьей, ни зрителем. Находясь в исповедальном пространстве кающегося, священник выступает как проситель за него перед Богом. В этом уникальность исповеди как акта коммуникации.

М.В. Михайлова в своем исследовании исповеди пришла к выводу, что в рамках религиозного дискурса эпистемика проповеди существенно отличается от эпистемики исповеди. Если в первой практически безраздельно доминирует вера, то во второй отражается более сложное когнитивное состояние: от знания о собственных прегрешениях исповедующегося до его веры во всезнающего Бога. При этом сама ситуация исповеди невозможна при отсутствии веры и предполагает, в частности, веру исповедующегося в то, что при условии его искреннего раскаяния его грехи будут отпущены [8, с. 10 – 11]. Исповедь как жанр отличается коммуникативной свободой, относительной стилиевой и композиционной независимостью. Содержание, стиль и композиция исповеди будут зависеть лишь от широты мировоззрения, степени покаяния и состояния внутреннего мира человека. Таким образом, религиозный дискурс – дискурс веры, в котором образ человека и образ Бога стремятся к тождеству. В религиозном коммуникативном процессе размыта обратная связь: в одном направлении неясен образ автора, в другом – образ адресата. Тем не менее своеобразие религиозной коммуникации определяет эквивалентные черты в текстах теодискурса, в которых она реализуется. Это позволяет видеть

в религиозных текстах определенную жанровую общность и означает, что существует определенное, исторически и логически сложившееся жанровое пространство религиозных текстов, способствующее усилению внимания адресатов к текстовому, словесному выражению мыслей и отвечающее интересам носителей религиозного мировоззрения.

Если говорить не о канонической исповеди, а об исповедальной интенции, то она оказывается до некоторой степени шире исповеди. Однако она так или иначе опирается на каноны исповеди. У каждого человека в сознании существует некий кодекс правил и норм поведения, которым он следует. Каждый, так или иначе, оценивает совершенные им действия, а любая оценка порождает определенное отношение. В том случае, если совершенные поступки оцениваются как положительные, возникает чувство самоудовлетворенности. В случае же совершения неверного действия человек ощущает неудовлетворенность, эмоциональную нестабильность, что в итоге вызывает желание выговориться, объяснить причины совершенного поступка, найти понимание и одобрение окружающих, а все это – не что иное, как определенные исповедальные интенции. Вне религиозного дискурса исповедь, а вернее, реализация исповедальной интенции, имеет ряд существенных отличий. Попытаемся обозначить их суть и некоторые формы реализации.

Каноническая исповедь является таинством, что во многом определяется природой человека: проще открыться незнакомому лицу, будучи уверенным, что о совершенных им поступках не станет известно широкой публике. Довольно часто человек прибегает к исповеди вне стен церкви и даже вне рамок религиозного дискурса. Но в данном случае это уже некий «внутренний монолог», обращенный к высшей силе (медиум в данном случае отсутствует и об отпущении грехов говорить не приходится, представляется возможным свидетельствовать лишь об их признании). Анализ практического материала (художественных текстов) позволил нам выявить ряд подтипов реализации исповедальной интенции, которые мы условно обозначили как а) осознание своих чувств, отношения к кому-либо или чему-либо, с одновременной оценкой самого себя (возможно раскаяние); б) признание совершенной ошибки; в) желание установить причины совершенного поступка; г) угрызения совести, раскаяние.

Поскольку исповедь – это некий «разговор» с Богом, во время которого человек рас-

каивается в содеянном, просит прощения и отпущения грехов, священнослужитель выступает лишь в роли медиума, принимающего исповедь. Исповедуется же человек Всевышнему, во власти которого наказать его или простить (отпустить) грехи. Роль медиума в некоторых случаях – помочь человеку, подсказать, если последний не знает, с чего начать или как правильно оценить то или иное из совершенных им действий. Однако, как показывает практика, люди в большинстве своем способны оценить свои действия и поступки и поэтому при подготовке к исповеди уже в основном четко знают, в чем хотят покаяться. Представляется возможным говорить о том, что во время исповеди человек признается не только Богу, но и самому себе в том, что не всегда может публично озвучить – чувства, переживания, раскаяние, волнение – весь внутренний мир человека оказывается открыт. Не случайно существует точка зрения, согласно которой в трудных жизненных ситуациях порой бывает необходимо просто выговориться, тем более, что вербализация мысли позволяет представить многие моменты точнее и логичнее. Именно данная цель – выговориться и переосмыслить содеянное – лежит в основе многих фрагментов литературных произведений, в которых находит реализацию исповедальная интенция.

Как было отмечено выше, исповедальная интенция может быть вычленена в текстовых фрагментах, когда человек, например, пытается осознать, осмыслить свои чувства, отношение к кому-либо или чему-либо. В данном случае она может выполнять регулятивную функцию: *“I have never known or loved another man before or since,” she thought, “And in the twenty two years since I’ve known him, my love for him has grown to passion”* [9, с. 152]. Иногда человек пытается осмыслить не только свои чувства и эмоции, но и определить их как причину некоторых своих поступков: *Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое и, главное, смешное положение, в которых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение. Точно так же и в минуты преступлений, и в минуты опасности жизни. Если б я что-нибудь крал, то я бы чувствовал при совершении кражи упоение от сознания глубины моей подлости. Не подлость я любил (тут рассудок мой бывал совершенно цел), но упоение мне нравилось от мучительного сознания низости. Равно всякий раз, когда я, стоя на барьере, выжидал выстрела*

противника, то ощущал то же самое позорное и неистовое ощущение, а однажды чрезвычайно сильно. Сознаю, что часто я сам искал его, потому что оно для меня сильнее всех в этом роде [5, с. 644].

В ряде случаев человек посредством такой внутренней исповеди может признавать собственные ошибки (что бывает трудно вербализовать): *Goodness, she couldn’t tell them that she wanted to give the baby up, and they brought small gifts in to work for her, which always made her fell terribly guilty...* [9, с. 160]. Иногда признание вины находит прямое выражение и в репликах героев: *... Я виновата перед ним и не стою его!* [6, с. 47]. Внутренняя исповедь лица может строиться в виде интеррогативных конструкций – в том случае, когда человек осознает совершение проступка, греха, отступление от нормы, но пока не может найти объяснения совершенному: *Why had she died? Why had it happened? Why couldn’t it have been him instead of Annie? But he told no one what he felt, he said nothing to anyone. In fact, for the rest of the week, they said nothing to each other...* [9, с. 45].

Внутренняя исповедь может содержать и явные пассажи, передающие раскаяние, угрызения совести: *...It was hard to know which was the right thing to do, except that she kept feeling that it would be a greater gift to the child, and even herself, to let it go to other parents. There would be other children one day, and she would always regret this one, but it was the wrong time and the wrong place, and circumstances she just couldn’t manage...* [9, с. 143] или *Нет, Наташа, мне, мне надо у твоих ног лежать до тех пор, пока сердце мое услышит, что ты простила меня, потому что никогда, никогда не могу заслужить я теперь от тебя прощения! Я отверг тебя, я проклинал тебя, слышишь, Наташа, я проклинал тебя, – и я мог это сделать!.. А ты, а ты, Наташа: и могла ты поверить, что я тебя проклял! И поверила – ведь поверила! Не надо было верить! Не верила бы, просто бы не верила!* [6, с. 331], или *Я ведь знаю, Ваня, как ты любил меня, как до сих пор еще любишь, и ни одним-то упреком, ни одним горьким словом ты не упрекнул меня во все это время! А я, я... Боже мой, как я перед тобой виновата! Помнишь, Ваня, помнишь и наше время с тобою? Ох, лучше б я не знала, не встречала б его никогда!.. Жила б я с тобой, Ваня, с тобой, добренький ты мой, голубчик ты мой!.. Нет, я тебя не стою! Видишь, я какая: в такую минуту тебе же напоминаю о нашем прошлом счастье, а ты и без того страдаешь!* (Там же, с. 41 – 42).

В заключение отметим, что исповедь выступает сложным в коммуникативном и психологическом плане событием, включающим констатацию и оценку фактов, событий жизни человека. Осмысление внутренней сущности и механизмов исповеди требует привлечения знаний из лингвистики, психологии, теологии и ряда других дисциплин. Только комплексный анализ позволяет понять природу такого сложного религиозного таинства и психологического события, каким является исповедь.

Литература

1. Архимандрит Лазарь. Грех и Покаяние последних времен : Изд. Московского подворья Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1995.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1973.
3. Воробьев В. Покаяние, исповедь, духовное руководство // Путь покаяния: Беседы перед исповедью. М. : Даниловский благовестник, 2005. С. 133 – 208.
4. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23 – 34.
5. Достоевский Ф.М. Бесы // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л. : Наука, 1990. Т. 7.
6. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Собрание сочинений в двенадцати томах. М. : Изд-во «Правда», 1982. Т. 4 (Библиотека «Огонька». Отечественная классика).
7. Мень А. Таинство, слово и образ. Л. : Изд-во «Ферро-Логос», 1991.
8. Михайлова М.В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство исповедального слова : материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 26 – 27 мая 1997 г. СПб. : Изд-во Ин-та Человека РАН, 1997. С. 9 – 14.
9. Steel D. The Gift. N.Y. : Dell Publishing Group Inc., 1996.

Confession as a genre and an intention

There are regarded the issues of a confession as one of the genres of religious discourse which contains its distinguishers and main peculiarities. It is considered reasonable to speak not only about the confession genre but also about the presence of different types of confessional intention in texts that is to some extent wider than a confession. There is revealed and described the number of types of confessional intention realization in narrative texts.

Key words: *religious discourse, genre, confession, confessional intention, ways of realization.*

Т.С. ОСТАПЕНКО
(Иркутск)

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧИ ГОВОРЯЩЕГО

Показаны основные причины появления тавтологических выражений в речи говорящих. Выявляются четыре основные причины, по которым говорящие используют в своей речи тавтологии. В соответствии с этим производится разделение тавтологических выражений на четыре группы и дается краткая характеристика данных групп.

Ключевые слова: *тавтология, говорящий, причины употребления, речевая ошибка, интенциональность высказывания.*

Тавтология – это содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части. Как известно, тавтология – это лингвистический термин, однако изучением данного явления занимается не только лингвистика. Тавтология – это также предмет изучения логики, философии, культуры речи и других наук, к тому же слово «тавтология» нередко употребляется и в обыденной речи так называемыми «наивными лингвистами». Анализ научной литературы по тавтологии и проведенный ассоциативный эксперимент показали, что рассматриваемое явление имеет неодинаковое осмысление в разных научных отраслях и сфере «наивной лингвистики». Можно сказать, что каждая наука рассматривает тавтологию под своим особым углом зрения, уделяя повышенное внимание какой-либо одной стороне данного многостороннего явления.

Лингвисты, логики и «наивные лингвисты» выделяют в тавтологии разные релевантные для них признаки и, соответственно, совершенно по-разному оценивают данное явление языка. «Наивные лингвисты», ограничивая экстенционал тавтологических выражений только порочными словосочетаниями с однокоренным повтором (*масло масляное, красивая красота, старая старушка*), считают тавтологию ошибкой, глупостью, паразитом и признаком необразованных людей. Многие лингвисты, изучая тавтологические фразеологизмы (*горе горькое, туча тучей, сиднем сидеть*), пишут о яркости, экспрессивности, са-